

Се Генъвей отлично знал, что с его пищеварением всё в порядке. На этот раз дело было вовсе не в каком-нибудь лекарстве, а в естественной реакции организма, достигшего определённого периода.

Он ведь не наивная юная девочка-подросток, конечно же, он понимал, в чём причина.

Ему хотелось Лу Ли, хотелось до такой степени, что всё внутри пылало.

Это было просто невыносимо постыдно.

Се Генъвей тяжело дышал, пытаясь унять жар, охвативший тело, но, увы, безрезультатно. В его голове стоял один лишь Лу Ли, перед глазами — все те вещи, что они вытворяли в постели.

Однако он только что прогнал Лу Ли. Если он сейчас снова призовет его, разве сон не разрушится?

Но это тело сводило с ума. Ему безумно хотелось заняться любовью, голова раскалялась, и в ней пульсировали всего два этих слова.

Лу Ли, Лу Ли...

Се Генъвей попытался собрать по крупицам остатки здравого смысла и найти выход, как вдруг в его голове мелькнула догадка, и всё встало на свои места.

Всё, что происходило с ним во сне, целиком и полностью было запрограммировано Лу Ли.

Очевидно, этот крупный мерзавец вовсе не собирался обделять себя.

Хотя его прогнали, хотя его сердце и душу терзали режущей болью, положенные приятные бонусы он всё равно решил для себя выбить.

То, что тело Се Генъвея пришло в такое состояние, было именно тем, чего хотел Лу Ли.

Он ждал, пока Се Генъвей сам разыщет его, ждал, когда он в нём нуждается — пусть даже движимый лишь плотским желанием.

Раз уж это заложено Лу Ли, то стоит Се Генъвею подчиниться, и сон не разрушится.

Се Генъвей набрал номер своего помощника: — Доставь Лу Ли ко мне. Какими угодно средствами.

Терпеть больше не было сил. Даже среди бела дня он не хотел ждать ни секунды дольше.

Не прошло и много времени, как Лу Ли предстал перед ним.

Семь дней разлуки, и новая встреча — казалось, в ней было что-то от сладости недавней свадьбы, по крайней мере, так чувствовал себя военный советник Се.

Лу Ли никак не ожидал, что его, столь решительно выставленного за дверь, заставят так быстро снова увидеть этого отвратительного мужчину.

Сказать, что он не скучал по Се Генъвею, было ложью. Он тосковал по нему так сильно, что дни и ночи напролёт не мог сомкнуть глаз.

Чем сильнее была тоска, чем глубже любовь — тем яростнее становилась ненависть.

Желание сорвать его с небес, утащить за собой в пучины ада, надежда навсегда запереть его в тесных оковах... Это болезненное наваждение росло с каждым днём, не поддаваясь никакому контролю.

Зачем Се Генъвей позвал его? Снова унижить?

Никаких других мыслей у Лу Ли не возникало.

Се Генъвей отослал всех прочь и, слегка покачиваясь на дрожащих ногах, приблизился к Лу Ли.

Лу Ли опустил взгляд, на его красивом лице не было ни единой эмоции.

Даже если в этот момент его сердце разрывалось на куски, даже если он безумно, до помешательства желал поцеловать его, даже если он, всё ещё проявляя слабость, жаждал его улыбки, последняя оставшаяся гордость заставляла его сдерживаться и не показывать ни единого признака смятения.

Се Генъвей впился пальцами в ткань на его груди, его губы слегка дрожали: — Обними меня.

В голове Лу Ли гулко зашумело.

Се Генъвей сам потянулся к нему и прильнул к его губам — горячим поцелуем, манящим языком, словно искусительный демон, способный заморочить голову целому миру.

Лу Ли и сам не понял, как оттолкнул его: — Се Генъвей, что это значит?

Се Генъвей смотрел на него влажными глазами и изнемогающим голосом шептал: — Лу Ли... Лу Ли...

Он повторял его имя с интонациями, от которых плавилась сама звуки в ушах, — это было куда чарующее самых пленительных признаний на свете. Лу Ли мог удерживать хрупкое хладнокровие лишь благодаря боли от ногтей, впившихся в ладони.

Но вскоре этот тончайший, словно паутинка, рассудок с треском оборвался.

Потому что Се Генъвей прямо у него на глазах сбросил одежду и, оставшись совершенно обнажённым, прижался к нему своим гибким, чувственным телом, излучающим палящий жар.

Они вдвоем насладились сочным, полным живительной влаги апельсином.

Наконец получив желанное удовлетворение, Се Генъвей прижался к груди Лу Ли, чувствуя себя абсолютно счастливым.

Се Генъвей очень любил такие моменты: они обнимают друг друга обнажёнными, вдыхая ароматы друг друга, прислушиваясь к стуку чужого сердца — даже если не делать при этом ничего, это уже означало быть вместе вечно.

Поедание апельсина отнимало немало сил, поэтому дыхание его было крайне неровным: — Лу Ли...

Стоило вымолвить эти два слова, как следующие три едва не сорвались с его губ. Но Се Генъвей всё же не был простым смертным: его духовная сила уровня SSS позволяла ему в любую секунду сохранять каплю хладнокровия и разума.

Нельзя признаваться.

Признание неминуемо разрушит сон.

Се Генъвей вовремя затормозил, мысленно заталкивая готовые сорваться с языка слова обратно вглубь себя.

Лу Ли отстранился, длинными шагами сошёл с кровати и с бесстрастным лицом принялся одеваться.

Се Генъвей: — ...

Лу Ли бросил на него косой взгляд и язвительно бросил: — Генеральный директор Се

действительно мастер выжимать из всего максимум пользы.

Се Генъвей всё еще раздумывал над тем, что следует ответить.

А Лу Ли уже одарил его фразой: — Интересно, что на этот раз гендиректор Се намерен мне преподнести?

Се Генъвей начал улавливать суть происходящего и, помрачнев, поднял на него взгляд.

Застегивая рубашку на все пуговицы, Лу Ли чеканил каждое слово: — Дом? Машину или...

Не договорив, он резко сократил расстояние до Се Генъвей. Стоя перед ним с распахнутой рубашкой, обнажающей широкую грудь и излучая давящую властную ауру, он смотрел на него сверху вниз: — ...Может, отдашь мне свою компанию Се?

Тонкие губы Лу Ли изогнулись в ухмылке, в которой сквозило что-то одновременно до боли знакомое и чужое.

Знакомое — потому что Се Генъвей знал: именно так Лу Ли выражает презрение к тем, кого терпеть не может. Чужое — потому что Се Генъвей никогда прежде не видел, чтобы Лу Ли смотрел на него с таким выражением.

Волна непонятого гнева поднялась из глубины души, и Се Генъвей тихо бросил: — Проваливай!

Голос Лу Ли прозвучал холодно, как лед: — Это ты заставил меня прийти, это ты приказываешь мне убираться... Се Генъвей, с тебя хватит!

Се Генъвей поднял на него взгляд: — Я ещё не раз появлюсь в твоей жизни.

Черные глаза Лу Ли резко сузились.

Се Генъвей усмехнулся и медленно проговорил: — Мне казалось, трёх месяцев вполне хватит, чтобы пресытиться, но теперь я вижу... ты всё еще очень хорош.

Тонкие губы Лу Ли почти превратились в прямую линию.

Се Генъвей в упор смотрел на него: — Что скажешь, продолжим эти отношения?

Лу Ли оборвал его на полуслове: — Больше я не приду.

На лице Се Генъвея мелькнуло разочарование: — Ну и ладно.

Сердце Лу Ли пропустило удар.

Се Генъвей, ничуть не удивляясь, выдал ему напоследок: — Наверное, найти другого такого партнера по постели, как ты, будет не так уж сложно.

— Се Генъвей! — Лу Ли рявкнул сдерживаемым из последних сил голосом.

Се Генъвей повернулся к нему: — Ох, и спасибо же тебе за то, что научил меня получать от этого такое удовольствие...

— Заткнись. — Лу Ли внезапно схватил его за подбородок. В его черных глазах бушевала багровая жестокость, свойственная лишь разъяренному зверю. Сквозь зубы он процедил: — Я буду приходить. Каждый раз, когда тебе захочется, я буду удовлетворять тебя.

Последние три слова были пропитаны густой, нерастворимой кровожадностью.

Уход Лу Ли оставил Се Генъвея в растерянности на добрую половину дня.

Он мысленно вышел из сновидения. Янь Кэ изумленно ахнул: — Ого, взрослый, вас снова выставили за дверь?

Се Генъвей пришел в себя: — Я сам вышел.

Янь Кэ вздохнул с облегчением: — В чем дело? Возникли какие-то проблемы?

У Се Генъвея были все права администратора в чужом сне — он мог проснуться в любой момент, когда пожелает. Правда, затягивать с пробуждением не стоило, иначе сон мог перезапуститься, и повторное проникновение превратилось бы в сплошную головную боль.

Се Генъвей покачал головой: — Всё в порядке.

Янь Кэ озадачился: — Тогда зачем вы вышли?

Се Генъвей моргнул, возвращаясь к реальности, и произнес: — Я обратно.

Янь Кэ остался стоять в полном недоумении, не понимая происходящего.

Вернувшись в сон, Се Генъвей наконец утомил собственное сердцебиение.

Он подумал, что с ним, пожалуй, тоже что-то не так, раз он счёл только что рассвирепевшего Лу Ли невероятно крутым.

Казалось, давным-давно, на какой-то заброшенной планете, тот самый юный Лу Ли — оторванный от социума, пропитанный дикой яростью, свирепый, как волчонок, — точно так же смотрел на него.

Это был взгляд дикого зверя, выживающего на чистых инстинктах, взгляд существа, яростно защищающего свою добычу.

В уголке глаз Се Генъвея мелькнула едва заметная улыбка.

Сколько бы лет ни прошло, Лу Ли оставался всё тем же Лу Ли.

Руководствуясь простым правилом обобщения, Се Генъвей мастерски вжился в роль бессердечного мерзавца-генерального директора, который пользуется телом, но не вкладывает душу.

Лу Ли навещал его с регулярностью раз в неделю.

Они не тратили время на разговоры — всё сразу сводилось к постели.

Раньше в постели Лу Ли был чрезвычайно нежен с Се Генъвеем, постоянно опасаясь причинить ему дискомфорт. Теперь же, обуреваемый затаенной обидой и собственной неудовлетворенностью, он жаждал лишь одного — сделать ему еще больнее.

Вот только беда: тело Се Генъвея отличалось такой распутной податливостью, что как бы яростно тот ни действовал, Се Генъвей всё равно млел от удовольствия, поджимая пальцы на ногах.

Лу Ли одновременно безумно любил этот его вид и люто ненавидел его.

Стоило ему представить, что если бы он не пришел, Се Генъвей мог бы точно так же соблазнять этим телом какого-нибудь другого мужчину, как рев сжигал его изнутри, заставляя желать буквально заездить его до смерти на ложе.

Со временем Се Генъвей стал отчетливо понимать смысл фразы «любовные игры».

Хотя это тело было намеренно создано Лу Ли, нельзя было не признать: при таком развитии сюжета оно подходило просто идеально.

Эти ненормальные отношения продлились аж полгода.

За это время оба не сидели сложа руки.

Лу Ли трепал Се Генвэя в постели, а вне её трепал финансовую империю Се.

Се Генвэй подыгрывал Лу Ли в постели и продолжал столь же самоотверженно подыгрывать ему в реальной жизни.

Сам Лу Ли происходил из вполне заурядного рода: хотя его семья тоже принадлежала к аристократии, по сравнению с гигантским конгломератным кланом Се род Лу не стоил и упоминания.

Однако Лу Ли всегда шел по окольным путям; до того как стать маршалом, он был настоящим главарем бандитов.

Весь Крылатый флот звал его не иначе как боссом. И лишь благодаря присутствию Се Генвэя он, даже подавив инопланетное вторжение, не занял пост маршала — иначе бы в два счёта превратился во второго по счету межгалактического пиратского бабая, сеющего хаос во всей галактике. Хотя после вступления в должность маршала этот характер во многом сгладился, во сне он обнажился во всей красе.

Свалить клан Се обычными методами было сложно, но если задействовать нестандартные пути, всё становилось намного проще.

Вдобавок ко всему Се Цзяньвэй тайком помогал ему, так что всего за полгода дела семьи Лу шли в гору с невероятной скоростью, тогда как корпорация Се демонстрировала явный упадок.

Не успели оглянуться, как приблизился конец года, и день рождения Се Цзяньвэя пришёлся на сочельник.

Праздничный банкет в честь главы корпорации Се, разумеется, организовали с невиданным размахом, и прошло всё чрезвычайно шумно.

Се Цзяньвэй неминуемо выпил немало вина, и когда у него слегка закружилась голова, он перепоручил заботу о гостях помощнику, а сам отправился на палубу подышать свежим воздухом.

Красное вино обладает коварным свойством — от малейшего дуновения ветерка валит с ног. Се Цзяньвэй, в конце концов, не был коренным землянином, а потому об этой особенности совершенно не знал.

Он постоял на морском ветерке, но голова не прояснилась, а закружилась ещё сильнее.

Сквозь пелену он почувствовал, что кто-то приближается:

— Цзяньвэй?

Хотя Се Цзяньвэй слегка опьянел, до бесчувствия дело не дошло. Он прищурился, разглядывая подошедшего, и лицо показалось ему незнакомым.

Однако этот человек вёл себя так, будто знал его:

— Я ждал тебя очень долго и уже думал, что не смогу увидеть... Цзяньвэй... я так сильно по тебе скучал.

Се Цзяньвэй мгновенно вспомнил выдуманную Лу Ли «младшую сестрицу» из прошлого сна.

Выходит, вслед за сестрицей у него появился бывший любовник?

Судя по досье, до встречи с Лу Ли он не просто крутил романы с женщинами? Откуда же тогда взялся этот мужчина?

Се Цзяньвэй потёр переносицу: его собственный возлюбленный окончательно довёл его до ручки.

Он и так выпил, голова была тяжёлой, а теперь в ней ещё и роилась всякая чепуха, так что неудивительно, что реакция оказалась слегка заторможенной.

Но для незнакомца эта заминка стала шансом. Он схватил Се Цзяньвэя за руку и с невыразимой нежностью произнёс:

— Тогда я был неправ, и я всё это время горько сожалел... Цзяньвэй, дай мне ещё один шанс, хорошо?

Се Цзяньвэй мысленно усмехнулся: он человека в упор не знает, какой к чёрту шанс.

Лу Ли поблизости не было, так что разыгрывать спектакль ему не хотелось. Он тут же помрачнел и бросил:

— Отпусти.

Незнакомец замер, словно немного испугавшись Се Цзяньвэя.

— То, что было в прошлом, прошло, — Се Цзяньвэй высвободил руку, и в его взгляде застыл

холод: — Тогда ты не хотел давать мне шанс, а теперь нет шанса у тебя.

Бросив эти слова, он без малейшего сожаления повернулся и зашагал прочь.

Мужчина запаниковал и торопливо окликнул его:

— Тогда я был слишком молод, я не понимал собственных чувств, я...

Се Цзяньвэй обернулся:

— Я даже событий тех лет не помню. Неужели ты думаешь, что я стану переживать?

После этих слов лицо незнакомца побледнело, он выглядел совершенно убитым:

— Не может быть, не может...

Однако Се Цзяньвэй больше не обращал на него внимания и вернулся в банкетный зал.

Банкет был в самом разгаре, но у Се Цзяньвэя пропало всякое настроение любезничать с гостями. Он отправил короткое сообщение с поручением навести справки о человеке, с которым только что общался.

Ответ пришёл быстро.

Сославшись на недомогание из-за выпитого алкоголя, Се Цзяньвэй ушёл раньше остальных.

Уже на верхнем этаже круизного лайнера Се Цзяньвэй в общих чертах составил представление о личности незнакомца.

Этого парня звали Сюй Ли, он был младшекурсником Се Цзяньвэя, и они учились в одном университете. Вот только один являлся наследником корпорации Се, которому предстояло вскоре получить диплом, а второй — одержимым фотографией простофилей с горячей головой.

Надо же было «Се Цзяньвэю» ослепнуть на оба глаза — он положил глаз на этого младшекурсника и относился к нему с невероятной добротой.

Все четыре года университета он окружал его заботой: об учёбе и говорить нечего, ради скромного хобби парня Се Цзяньвэй выкладывал огромные суммы, не жалея денег, но при этом ухитрялся делать всё так, чтобы Сюй Ли ничего не знал.

Сюй Ли неизменно видел в Се Цзяньвэе доброго и уважаемого старшего товарища и с чувством глубокой благодарности принимал его заботу.

Пока после окончания учебы Сюй Ли не заявил, что хочет отправиться на стажировку в далёкий Египет, чего Се Цзяньвэй категорически не одобрил.

Сюй Ли не понимал, почему тот против.

Тогда Се Цзяньвэй открыл ему свои чувства, надеясь, что тот останется рядом.

Но Сюй Ли испугался. Возможно, все эти годы он и догадывался о привязанности Се Цзяньвэя, но предпочитал бежать от реальности и притворяться, будто ничего не замечает. Стоило ему услышать всё напрямую, как его реакция оказалась бурной: он не только отдалился от Се Цзяньвэя, но и быстренько завёл девушку, больно ударив по чувствам тогда ещё наивного президента Се.

В общем и целом, Се Цзяньвэй вырастил неблагодарного волка: Сюй Ли водил его за нос четыре года, а напоследок отвесил увесистую пощёчину.

Это заставило Се Цзяньвэя навсегда пресытиться чувствами и превратиться в отъявленного негодяя, который порхал среди цветов, не позволяя ни единому лепестку упасть на его одежды.

И вот теперь Сюй Ли вернулся.

А уж действительно ли он опомнился и осознал, что любит Се Цзяньвэя, или же просто растратил все деньги, покатился по наклонной и вспомнил про богатого дурачка — тут уж каждый может судить в меру собственного испорченности.

Се Цзяньвэй перечитал досье, но так и не смог разгадать, что же творится в голове у Лу Ли. Он что, настолько глуп?

Стал бы он без всякой причины хорошо относиться к какому-то ничтожеству?

За всю свою жизнь он всей душой и всем сердцем был предан только Лу Ли, но разве тот Лу Ли мог сравниться с нынешним Сюй Ли?

Юный Лу Ли на пустынной планете отличался суровым нравом, упрямством и искренностью, он...

Се Цзяньвэй моргнул и вдруг вспомнил: они ведь провели на пустынной планете ровно четыре месяца?

Четыре года и четыре месяца — есть ли между ними хоть какая-то связь?

Се Цзяньвэй задумался, чувствуя, что эта мысль звучит несколько нелепо.

Лу Ли, конечно, ревнив, но неужели ему обязательно ревновать к самому себе?

Пусть его личность и раскололась на множество частей, тогда-то личность еще не была разделена, это их общее воспоминание.

Се Цзяньвей покачал головой, полагая, что он, пожалуй, слишком много надумывает.

Хотя во сне и приходится подыгрывать Лу Ли, от некоторых вещей вполне можно избавиться.

Взять хотя бы этого Сюй Ли: Лу Ли, скорее всего, собирается раздуть из-за него целую историю, но Се Цзяньвей вполне может устроить так, чтобы с тем произошел какой-нибудь непредвиденный несчастный случай, и тогда это избавит их от множества хлопот.

В любой логике всегда найдется лазейка, в которую можно проскользнуть.

Это вовсе не значит, что он отказывается подыгрывать, в конце концов, несчастные случаи не поддаются контролю.

Се Цзяньвей отдал распоряжения всего в нескольких словах.

Удалось наконец отпраздновать день рождения, и пусть всё происходило во сне, эта дата действительно была днем рождения Се Цзяньвей — ведь Лу Ли помнил всё, что касалось его любимого, до мельчайших деталей.

В прошлые дни рождения Лу Ли непременно готовил для него какой-нибудь сюрприз, но сейчас во сне — просто беда, даже человека не увидишь.

Се Цзяньвей ворочался с боку на бок добрую половину дня, чувствуя себя немного раздраженным.

Он скучал по Лу Ли, ему хотелось его увидеть.

Очевидно, Лу Ли тоже по нему скучал.

Поэтому его телефон тихо звякнул.

Се Цзяньвей смахнул экран и увидел сообщение от Лу Ли: Открой окно.

Уголки губ Се Цзяньвей приподнялись, он встал с кровати и распахнул окно.

Круизный лайнер уже вышел в открытое море, вокруг царил непроглядная тьма. Из-за плохой погоды не было видно даже звезд: черное небо сливалось с черным морем, и, стоя у окна, казалось, будто заглядываешь в бескрайнюю пустоту.

И в этот самый момент в небе внезапно распустились пышные фейерверки.

Се Цзяньвей широко распахнул глаза от неожиданности.

Это зрелище было невероятно прекрасным.

Чем темнее казалась ночь, тем ярче вспыхивали фейерверки. Минутные вспышки света, словно падающие звезды, скользили по краю небосвода, а в следующее мгновение морская гладь отражала эту ослепительную красоту, перекликаясь с небом и удваивая великолепие.

Маршал Лу вечно любил устраивать подобные оторванные от реальности романтические глупости.

Се Цзяньвей ничего не говорил вслух, но в душе ему на самом деле это нравилось.

Разве кому-то может не понравиться искреннее чувство любимого человека?

Се Цзяньвей достал телефон и ответил Лу Ли сообщением: Где ты?

Лу Ли спросил: Встретимся?

Уголки губ Се Цзяньвей едва заметно дрогнули: Я жду тебя здесь.

Некоторые люди вечно идут не проторенными путями и обязательно должны взобраться на корабль словно пираты, м-м... да еще и забраться через окно, прямо как бесстыдный повеса.

Впрочем, Се Цзяньвей обожал этого бесстыдного повесу.

Он обвился вокруг него руками и первым подался вперед, чтобы поцеловать.

Лу Ли шлепнул его по заднице и легко усмехнулся: Чего ты спешишь?

Сердце Се Цзяньвей было переполнено сладкими, теплыми пузырьками, он уже и сам не понимал, сон это или реальность, и тихо позвал его: Сяо Ли.

Лу Ли на мгновение замер, а затем его тонкие губы изогнулись в многозначительной улыбке, и он с подтекстом спросил: А он что, маленький?

Се Цзяньвей: ...

Ну просто ни капли не изменился, что в реальности, что во сне ведет себя абсолютно одинаково.

До того как между ними всё произошло, Се Цзяньвей всегда звал Лу Ли именно так, потому что был старше него — пусть разница составляла всего года два-три, но старшим всё же был Се Цзяньвей.

Однако после того, как они оказались в постели, Лу Ли строго-настрого запретил ему так называть себя. Стоило Се Цзяньвей только произнести это прозвище, как Лу Ли тут же заставлял его сполна прочувствовать, Сяо Ли он или Да Ли.

И вот теперь во сне Се Цзяньвей снова смог хорошенько во всем разобраться.

Доведенный до иступления и полной потери рассудка, он услышал, как Лу Ли с лукавой усмешкой спросил: Большой или маленький?

Се Цзяньвей тихонько шепнул ему ответ.

Великий и могучий Лу усердно трудился всю ночь напролет.

Умотанный Се Цзяньвей заснул прямо так.

Лу Ли крепко прижимал его к себе, а в его взгляде таилась нескрываемая, глубокая, как океан, нежность.

Хотя за последние полгода их отношения и выглядели несколько извращенными, они отличались удивительной гармонией.

Временами Лу Ли даже начинало казаться — впопыхах и наваждении, — что Се Цзяньвей

действительно любит его.

Возможно, дело было не только в близости тел, ведь со временем в сердце Се Цзяньвей вполне могло зародиться и настоящее чувство к нему.

Лу Ли напоминал себе, что нужно сохранять рассудок, но стоило ему опустить взгляд и увидеть прижавшегося к его груди Се Цзяньвей, который спал с совершенно беззащитным видом, как его сердце тотчас превращалось в мягкую сладкую вату, невесомую и пропитанную насквозь пьянящим сладостным теплом.

Как можно было до беспамятства полюбить человека? Любить так сильно, что отпустить его уже не получится ни при каких обстоятельствах.

Маленький улюбодок, отдающий тело, но не сердце.

<http://bllate.org/book/21280/2156611>